

Предисловие редакторов

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.01

Этот выпуск журнала посвящен истории евреев в Сибири. Сибирь не была местом традиционного проживания евреев, и они появились на ее огромной территории только в модерный период (к сожалению, в русском языке еще не выработался термин, который позволяет точно передать смысл термина *modernity* и многочисленных коннотаций, с ним связанных). Первые евреи поселились в Сибири в самом конце XVIII в., а организованные еврейские общины сложились лишь в XIX в. В этом Сибирь схожа с другими регионами мира, удаленными от Средиземноморья и Европы: Австралией, Южной Африкой, Латинской Америкой, Канадой и в значительной мере Соединенными Штатами Америки. Однако в отличие от этих регионов, до революций 1917 г. динамика еврейского заселения Сибири складывалась не под влиянием объективных факторов миграции и экономического развития, а всецело определялась политикой царского правительства: наказание ссылкой в Сибирь и рекрутская повинность были факторами, увеличивавшими еврейское (и нееврейское) население региона, а ограничивавшие «правожителство» евреев законы препятствовали свободному переселению евреев. Евреи дореволюционной Сибири являлись «евреями пограничья» (*Frontier Jews*), то есть евреями, селящимися в новой местности, где нет ни исторического еврейского населения, ни устоявшейся еврейской инфраструктуры, ни сложившегося модуса отношений с нееврейским населением¹.

Приток беженцев и военнопленных во время Первой мировой и Гражданской войн, интенсивная урбанизация и индустриализация, массовые депортации сталинского периода, эвакуация и советская политика распределения «молодых специалистов» – все это преобразовало структуру еврейского населения Сибири в XX в. Прибывшие стали «транзитными евреями», для которых Сибирь являлась временной обителью, принудительным или добровольным выбором. Распад СССР вызвал массовую эмиграцию евреев за границу и одновременно возрождение еврейской институциональной и культурной жизни. В советский и постсоветский период история евреев в Сибири была так же неразрывно связана с судьбой всего советского и российского еврейства.

Первые работы о евреях в Сибири появились еще в начале XX в., однако полноценный процесс исследования начался лишь в постсоветский

¹ Термин “*Frontier Jews*” предложен Владимиром Левиным, см. Левин В. Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина. М., 2018. С. 17–30.

период, когда изучение еврейской истории снова стало возможным. Многочисленные сборники статей, изданные в 1990-х и 2000-х гг. (в основном под редакцией Якова Кофмана [1948–2012]), а также несколько монографий по еврейской теме вводят в научный оборот новые исторические факты и представляют разбор местных аспектов еврейской истории. Попытки осмысления истории евреев Сибири в целом предпринимались лишь в некоторых из этих публикаций. Нынешний выпуск журнала нацелен на продолжение этой работы и рассмотрение сибирского еврейского опыта в более широком контексте.

Представленные в номере статьи, публикации документов и рецензии тематически пересекаются и обогащают друг друга новыми смыслами. Именно поэтому о них уместно говорить, нарушая привычную рубрикацию и смешивая жанровую принадлежность текстов. В статье иерусалимских исследователей Анны Березин и Владимира Левина «Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа» анализируются религиозные практики сибирских евреев XIX и начала XX вв. на основании материалов еврейской прессы и объектов материальной культуры. Разбирая этот материал, авторы ставят под сомнение часто повторяющееся в историографии представление о сибирских евреях как об уникальной группе и демонстрируют разнообразные связи между евреями Сибири и еврейским миром Российской империи. Публикация московского историка Дмитрия Фельдмана «“Приемлю смелость всеподданнейше просить...”» ставит под сомнение другой распространенный миф – представление о том, что евреи специально совершали преступления с целью получить возможность поселиться в Сибири. «Герой» документа, проживший 16 лет в Сибири, вовсе не мечтает остаться здесь, а наоборот, просит разрешения вернуться на родину, в Одессу.

В статье Товы Бенджамин из Нью-Йорка «“Желтый вопрос” и “еврейский вопрос” на российском Дальнем Востоке: 1858–1914» предложен необычный взгляд на имперскую политику: автор сравнивает отношения властей Приамурского края к корейцам, китайцам и евреям. Эту же тему продолжает рецензия польского исследователя Артура Марковского на книгу Виктора Дятлова, Яны Гузей и Татьяны Сорокиной «Китайский погром. Благовещенская “утопия” 1900 года в оценке современников и потомков». Автор рецензии обсуждает сильные и слабые стороны этой книги в контексте изучения коллективного насилия на национальной почве вообще и исследования антиеврейского насилия в частности.

В статье Ирены Владимирски из Израиля и Марии Кротовой из Санкт-Петербурга «Знакомый незнакомец Яков Фризер: штрихи к портрету сибирского еврея» рассматривается биография одного из наиболее заметных еврейских бизнесменов и общественных деятелей Сибири. Другая статья – «Евреи и власть в позднеимперском Иркутске: нелегальные практики взаимодействия», написанная Юлией Пинигиной из Иркутска, напротив,

посвящена нижним слоям еврейского населения Сибири. На основании жандармских документов автор разбирает коррупционные связи между полицией, евреями и приближенными к полиции людьми – интеракции, которые обычно проходили в устной форме и почти не оставили следа в письменных источниках. Отмена черты оседлости в 1915 г. сделала актуальным обсуждение возможностей широкомасштабного переселения евреев в Сибирь. Этому обсуждению посвящена статья Полли Завадивкер из Ньюарка, штат Делавэр, «Сибирь как “новый еврейский центр”: план переселения беженцев в России в годы Первой мировой войны». Неожиданное продолжение эта тема находит в публикации Виктории Герасимовой из Омска «План Киржница»: проект по переселению евреев в Сибирь в период Гражданской войны». В опубликованном документе рассматривается полемика по поводу организации эмиграции в Сибирь, здесь также приведены соображения одного из сибирских общественных деятелей по этому поводу.

Советский период в истории евреев Сибири представлен в журнале четырьмя работами, которые отражают три разных аспекта советского еврейского опыта в этом регионе. Статья израильского исследователя Бера Котлермана «“Вечная жизнь” р. Натана-Неты Олевского» представляет читателю одно из немногих собраний раввинских респонсов, написанных в Советском Союзе. Олевский, будучи ортодоксальным раввином в Иркутске, придерживался довольно либеральной трактовки галахи. В статье Геннадия Эстрайха из Нью-Йорка и Иосифа Бренера из Биробиджана «“Биробиджанское поколение”: строительство местечка на Дальнем Востоке» обсуждается судьба советского проекта Еврейской автономной области, который вместо создания современного научного и культурного центра привел к появлению своеобразного местечка. Этой же теме посвящена рецензия Марии Макаровой на книгу польского автора Агаты Максимовской «Биробиджан. Земля, на которой мы должны были быть счастливы». Рецензия рижанки Светланы Погодиной на книгу латышского автора Дзинтры Гека «Шалом, Сибирь...: воспоминания евреев, которые были вывезены из Латвии в Сибирь в 1941 и 1949 годах» напоминает, что еврейское население советской Сибири состояло не только из людей, поселившихся там до революции, как Олевский, и переселенцев, как жители Еврейской автономной области, но и из ссыльных, отправленных в Сибирь при сталинском режиме. Однако большинство ссыльных, выживших в Сибири, предпочли вернуться домой, а не остались там жить.

В рецензии москвича Александра Локшина на третий выпуск сборника «Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.», посвященный евреям и иудаизму в России и СССР, нет упоминаний о работах, связанных с евреями Сибири. Однако представленная в сборнике общая картина региональных исследований создает контекст, необходимый для понимания того, как происходит изучение евреев Сибири и какие цели

и задачи необходимо ставить, чтобы такое исследование вышло на более высокий научный уровень.

Опубликованные в этом номере статьи, разумеется, не дают исчерпывающего представления обо всем круге вопросов, связанных с историей и культурой евреев за Уралом. Однако мы надеемся, что сибирский выпуск *Judaic-Slavic Journal* станет новым этапом осмысления еврейского опыта в Сибири, а также приглашением к дальнейшим и региональным, и компаративным, и обобщающим исследованиям российского еврейства.

Герасимова Виктория

(Омск, Россия)

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

E-mail: gerasimova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-9968-3379

Владимир Левин

(Иерусалим, Израиль)

Еврейский университет в Иерусалиме

PhD, директор Центра еврейского искусства

E-mail: vladimir.levin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0001-8166-1297

Editors' Foreword

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.1.02

The current issue of the *Judaic-Slavic Journal* is dedicated to the history of Jews in Siberia. Siberia has never been an area traditionally inhabited by the Jews, who appeared in the vast Siberian territories only in the modern era. The first Jews settled in Siberia at the very end of the eighteenth century, while the institutionalized communities emerged only in the nineteenth century. In this respect, Siberia is similar to other regions apart from the Mediterranean and Europe: Australia, South Africa, Latin America, Canada, and, to some extent, the United States of America. However, unlike those regions, the dynamics of the Jewish settlement in Siberia until the revolutions of 1917 was influenced not by the objective factors of migrations and economic development, but rather by the policies of the tsarist government. The exile of criminals and army recruitment have contributed to the growth of both Jewish and Gentile population, while restrictive anti-Jewish laws prevented free settlement of the Jews there. The Jews of pre-revolutionary Siberia were “Frontier Jews,” settling in a new region with neither a historical Jewish population, nor an established Jewish infrastructure or mode of relations with non-Jewish neighbors.¹

The influx of refugees and POWs during the First World War and the Russian Civil War, rapid urbanization and industrialization, mass deportations under Stalin, evacuation during the Second World War, and Soviet policy of centralized “allocation” of university graduates altered the structure of the Jewish population in Siberia in the twentieth century. Newcomers became the “Transit Jews,” Siberia being only a temporary abode for them, either by force or choice. The collapse of the USSR in 1991 caused both mass emigration of Jews and the revival of institutionalized Jewish cultural life. The Soviet and post-Soviet history of the Jews in Siberia is inseparable from the history of Soviet and post-Soviet Russian Jewry.

Initial studies on Siberian Jews appeared in the early twentieth century, but serious research only began in the post-Soviet period, when Jewish topics were no longer silenced. Collected papers published in the 1990s and 2000s, mostly edited by Yakov Kofman (1948-2012), as well as several monographs were dedicated to the publication of new facts and discussion of local aspects of Jewish history. Just a few studies attempted to view the history of Jews in Siberia in its entirety. The current issue of the *Judaic-Slavic Journal* aims to continue this work, providing a broader view of the Siberian Jewish experience.

¹ The term “Frontier Jews” is proposed by Vladimir Levin, see Левин В. Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина. М., 2018. С. 17–30.

Papers, document publications, and book reviews in this issue are thematically related and inextricably tied. Therefore, we introduce them in order of their topics. The article by Anna Berezin and Vladimir Levin (Jerusalem), "Siberian Myth in the Jewish History: Jews of Siberia as a Religious Group", analyzes religious practices of Siberian Jews in the nineteenth and early twentieth centuries through the lense of the Jewish press and material culture objects. The authors cast doubts on the perception of Siberian Jews as a unique group, frequently encountered in historiography. They reveal manifold connections between the Jews of Siberia and the Jewish world of the Russian Empire. A document published by the Moscow-based historian Dmitry Feldman "I Have the Courage to Ask Most Sincerely" challenges another widespread myth, namely, that Jews committed crimes on purpose in order to settle in Siberia. The author of the document, after 16 years of Siberian exile, did not dream about staying there, but in contrast, asked for permission to return to his hometown of Odessa.

The article by Tova Benjamin from New York, "The "Yellow" and "Jewish" Question in the Russian Far East: Managing Foreignness, Productivity, and Colonization, 1858–1914," proposes an unusual perspective on Russian imperial policies and contrasts imperial officials' attitudes toward Chinese, Korean, and Jewish settlement and economic activities in Priamurskii Krai. The review by the Polish researcher, Artur Markowski of the book *Anti-Chinese Pogrom: Blagoveshchensk "Utopia" of 1990 in the Opinion of Contemporaries and Descendants* elaborates on the same issue. The author of the review discusses the strong and weak points of the book in the context of research of collective violence in general and of anti-Jewish violence in particular.

The paper by Irena Vladimirska from Israel and Maria Krotova from St. Petersburg, "A Familiar Stranger Yakov Frizer: A Portrait of a Siberian Jew," presents the biography of one of the most prominent Jewish businessmen and public activists in Siberia. In contrast, the article by Yulia Pinigina from Irkutsk, "Jews and Power in Late Imperial Irkutsk: Illegal Practices of Interaction," is dedicated to the lower strata of Jewish population. Based on gendarme (political police) investigation papers, the author analyses corrupted relationship between local police, Jews, and individuals close to police. As a rule, such connections were established by word of mouth, and therefore are rarely documented.

The abolition of the Pale of Jewish Settlement in 1915 gave rise to the discussion of possibilities of a large scale Jewish immigration to Siberia. The paper by Polly Zavadviker from Newark, DE, "Siberia as a 'New Jewish Center': A Plan to Resettle Refugees in Russia during the First World War," is dedicated to those debates. An unexpected continuation of this topic is the document published by Victoria Gerasimova from Omsk, "The Kirzhnits's Plan": A Project of Jewish Resettlement to Siberia during the Civil War Era." This document describes the polemics of the organization of Jewish migration to Siberia and thoughts of a Siberian public activist on the matter.

In this issue, the Soviet period is illustrated by four works reflecting three different aspects of the Soviet-Jewish experience in Siberia. The paper by Israeli researcher, Ber Kotlerman, “R. Nathan-Neta Olevski’s Eternal Life,” introduces one of the rare collections of rabbinical *responsa* written in the Soviet Union with a quite liberal approach to halakhah by Olevsky, the Irkutsk Orthodox rabbi. The article by Gennady Estraikh of New York and Iosef Brener from Birobidzhan, “Birobidzhan Generation”: Construction of a Shtetl in the Far East,” discusses the fate of the Soviet project of the Jewish Autonomous Region, which, instead of the creation of a modern scientific and cultural center, caused the emergence of a kind of shtetl. The same topic is dealt with in a review by Maria Makarova on the book by Polish author, Agata Maksimowska, *Birobidzhan. The Land Where We Had to Be Happy*. The review by Svetlana Pogodina from Riga on the book by a Latvian author Dzintra Geka *Shalom... Memoirs of the Jews who Were Deported from Latvia to Siberia in 1941 and 1949* reminds us that Jewish population of Soviet Siberia consisted not only of people who settled there before the revolutions of 1917, like Olevsky, and settlers in the Jewish Autonomous Region, but also of the deportees, sent to Siberia by Stalin’s regime. The majority of the deportees, however, chose to return home and not stay in Siberia after Stalin’s death.

The review by Alexander Lokshin from Moscow on the third issue of the collection *The Religious and Ethnic Groups in the Russian Province in the Nineteenth to Twenty-First Centuries*, which is dedicated to Jews and Judaism in Russia and the USSR, does not mention a single work on Siberian Jews. However, the general overview of regional research as seen in the collection generates a context necessary for understanding of the current state of research of Jews in Siberia and of goals to be set in order to bring it to high scholarly level.

Obviously, the works published in the current issue do not provide the comprehensive picture of the history of Jews beyond the Urals. We hope nonetheless that the “Siberian” issue of *Judaic-Slavic Journal* is a new step in understanding of the Jewish experience in Siberia as well as an invitation for further research – regional, comparative, and synthesizing – of the Russian Jewry.

Victoria Gerasimova

(Omsk, Russia)
PhD, Senior Research Fellow,
Dostoevsky Omsk State University
E-mail: gerasimova@bk.ru
ORCID: 0000-0002-9968-3379

Vladimir Levin

(Jerusalem, Israel)
PhD, the Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem
e-mail: vladimir.levin@mail.huji.ac.il
ORCID: 0000-0001-8166-1297